

Н. Н. Летина

УДК 008(091)

<http://orcid.org/0000-0003-1884-7827>

**Формы мистического сектантства в художественной рефлексии
А. Блока (поэма «Возмездие»)**

Для цитирования: Летина Н. Н. Формы мистического сектантства в художественной рефлексии А. Блока (поэма «Возмездие») // Мир русскоговорящих стран. 2020. № 1 (3). С. 87-100. DOI 10.20323/2658-7866-2020-1-3-87-100

Основная цель статьи – обоснование специфического интеллектуально-художественного отклика А. Блока на характерную для русской культуры рубежа XIX–XX вв. интенцию поисков утраченной цельности посредством актуализации мистического сектантства в формах рода и семьи. Задачи: систематизация с культурологических позиций, выражений родовой и семейной проблематики в тексте поэмы «Возмездие»; обоснование роли и значения концептов «рода» «семьи» как форм поиска идентичности и соборности А. Блоком. Ход исследования носит дедуктивную логику и идет от общей постановки проблемы к последовательному анализу формы рода и семьи в тексте поэмы «Возмездие» в контексте индивидуального мифотворчества и житетворчества поэта. Выявлены репрезентативные в аспекте воплощения родовой и семейной образности произведения («Друг, посмотри, как в равнине небесной...», «Помнишь думы? Они улетели...», «Спустилась мгла, туманами чревата...», «Тихо. И будет все тише...», «Чем больней душе мятежной...», «Ни сны, ни явь», «Исповедь язычника. Моя исповедь», «Автобиография», переписка; определена манифестальная роль поэмы «Возмездие». Зафиксированы ключевые составляющие в интерпретации поэтом «рода» и «семьи» как форм мистического сектантства на индивидуальном и всеобщем уровнях. Выявлено, что основанием понимания концепта и мифологема «род» у А. Блока становится символизация соборного лица как локальной модели форм соборности (род, народ (русский), «избранный» народ, соборное человечество). Определены ключевые значения концепта «семьи» для А. Блока, включающие грани «своя семья», русская «дворянская семья», «старый (культурный) мир», символ аполлонического начала, символа России, хранительницы вечноженственного мистического начала. Раскрыт конфликт и основания эсхатологической драмы «возмездия», интерпретирован финальный крах предполагаемой А. Блоком теургической перспективы в контексте судеб собственных семьи и рода, России, человечества.

Ключевые слова: русская культура, рубеж XIX–XX веков, А. Блок, «Возмездие», соборность, синтез, теургия, мифотворчество, мистическое сектантство, род, семья.

© Летина Н. Н., 2020

N. N. Letina

**The forms of mystical sectarianism in artistic reflection of A. Block
(poem "Retribution" or "Vozmezdie")**

The main aim of the article is to give specific intellectually-artistic response of A. Block to a typical for Russian culture of the turn of XIX–XX century the intention to find lost integrity by means of actualization of mystical sectarianism in a form of tribe and family. Tasks: systematization from the point of view of culturological positions of tribal and family issues in the poem "Retribution" or "Vozmezdie"; justification of the role and meaning of such notions as "tribe" and "family" as a form of A. Block's searching of identity and collegiality. The research has a deductive logic and starts from a general setting of a problem to serial analysis of the form of a tribe and family in the text of the poem "Retribution" or "Vozmezdie" in the context of individual myth making and life making of the poet. The main representatives in the aspect of embodiment of tribal and family imagery of the poem, key ideas in the interpretation by the poet of "tribe" and "family" as the forms of mystical sectarianism both on the individual and universal levels are underlined. Core meanings of the notion "family" for A. Block are defined, which include such ideas as "your family", Russian "noble family", "old (cultural) society", the symbol of Apollonian start, symbol of Russia. The main conflict of drama "Retribution" or "Vozmezdie" is masterly revealed by A. Block.

Keywords: Russian culture, the turn of the XIX–XX century, A. Block "Retribution" or "Vozmezdie", collegiality, synthesis, theurgy, myth making, mystical sectarianism, tribe, family.

Заинтересованность А. Блока идеями эсхатологического движения человечества к спасительному единству оказалась соотнесена, с одной стороны, с общими поисками русской культурной элиты рубежа XIX–XX вв., прежде всего, – философией всеединства В. Соловьева и его последователей (П. Флоренский, С. Булгаков, Л. Карсавин и др.), с другой, – носила мифотворческий, индивидуальный и структурно сложный характер. Глубинную ущербность жизни современного ему человечества А. Блок видел в тотальной утрате цельности, приведшей к разобщенности лю-

дей. Одним из способов ее возврата в сознании и художественной практике поэта стало своеобразное «*мистическое сектантство*» (экстраполируем профессиональный термин русских миссионеров [Эткинд, 1998]). Одним из вариантов актуализации экстраординарного опыта мистического сектантства в творческом опыте Блока являются поиски целостной идентичности в формах *рода и семьи*.

Для Блока принадлежность к роду и семье значит очень много. Характерный для поэта «культ семьи» фиксировали и его современники (А. Белый, М. Бекетова,

К. Чуковский), и исследователи (Д. Максимов, В. Орлов, Ж. Нива). Родовая и семейная темы реализованы в его художественных произведениях и интеллектуальных рефлексиях. Среди репрезентативных примеров: стихотворные посвящения матери («Друг, посмотри, как в равнине небесной...»), «Помнишь думы? Они улетели...», «Спустилась мгла, туманами чревата...», «Тихо. И будет все тише...», «Чем больней душе мятежной...» и др.), поэма «Возмездие», «Ни сны, ни явь», «Исповедь язычника. Моя исповедь», «Автобиография», переписка). Автобиографический очерк (начат в 1909 г., закончен в 1915 г.) Блок предваряет и отчасти подменяет биографией членов своей семьи по материнской (детально) и отцовской (обзорно) линии, объем которой составляет более половины текста. К. Чуковский передает отзыв Блока о родственниках: «Очень большую роль они играли в моей жизни» [Чуковский, Т. 2, с. 391]. Будучи «весь в предках – и как человек, и как поэт» [Чуковский, Т. 2, с. 391], Блок предпринимает постоянные попытки осмыслить «большую роль» предков, рода и семьи в своей жизни. Наиболее значительная и масштабная из них осуществлена в поэме «Возмездие» (1910-1921 гг.).

«Возмездие» Блок изначально задумывает программным, манифестальным произведением, призванным продемонстрировать истинные законы развития рода и его пред-

ставителей [Блок, Т. 2, с. 272]. Эта демонстрация осуществляется Блоком на примере своего рода, который поэт представляет символической моделью «рода русского, живущего в условиях русской жизни» [Блок, Т. 2, с. 272]. Род же, если продолжить логику Блока, является символической моделью русского народа, и шире – избранного соборного человечества. Таким образом, основным содержанием мифологемы «род» у Блока является символическое обозначение соборного лица (род), которое являет локальную модель иерархии форм всеобщей соборности (род в традиционном понимании, русский народ, «избранный» народ, соборное человечество). Такое допущение, на наш взгляд, обосновано, поскольку воплощение «родовой» темы у поэта не ограничивается ни родственными, ни национальными рамками, ее онтический фундамент – «жизнь», также интересующая А. Блока, стремящегося «бесстрастной мерой измерить все, что видишь» [Блок, Т. 2, с. 274].

Впрочем, Блок исследует не «род» или «жизнь» в отдельности, а аспект их взаимодействия – «жизнь рода». «Род» локализует «жизнь» во времени, пространстве и объеме: «звено в единой цепи»; «короткий обрывок /.../ русской жизни» [Блок, Т. 2, с. 272]. Так возникает сложная мифологема «жизнь рода», которая включает в свою семантику и значение составляющих ее мифологем «жизнь» (динамический аспект без-

граничного бытия) и «род» (субъект жизни, соборное действующее лицо), а также обладает синтетическим семантическим наполнением. Общий смысл блоковской мифологии «жизнь рода» можно обозначить как *динамику, историю* (жизнь) *локализованного соборного бытия* (рода). Задача Блока по отношению к «жизни рода» заключается в выявлении характера, закономерностей и модели этой динамики. А. Блок решает эту задачу посредством субъективной суггестивной мифологизации, которую позиционирует как беспристрастное исследование («бесстрастной мерой измерить»), внушая мифологии «жизнь рода» тот смысл, который он усматривает в ней.

Этот смысл, по Блоку – *возмездие*. С одной стороны, возмездие является характеристикой и формой отношения «жизни», истории, мира к отдельному человеку, роковым воздаянием за индивидуализм существования: «мировой водоворот засасывает в свою воронку почти всего человека; от личности не остается и следа, сама она, если остается еще существовать, становится неузнаваемой, обезображенной, искаленной» [Блок, Т. 2, с. 272]. «Возмездие» есть своего рода кармический закон жизни, определяющий судьбу индивидуальности. Блок говорит о возмездии как о живой одухотворенной сущности, наделяет его категорией лица: в звуках *мазурки* ему слышится «голос Возмездия». А поскольку

мазурка в поэме предстает «лейтмотивом Возмездия», *музыкой*, которая в символистском сознании Блока есть голос Бездны, то, вероятно, в сочетании «голос Возмездия» / «лейтмотив Возмездия» «Возмездие» выступает в качестве коррелята «Бездны». Однако, на наш взгляд, «Возмездие» и «Бездну» Блок полностью не отождествляет. Возмездие – для него это, скорее, воля Бездны, вектор и качество ее направленной активности. Такое, олицетворенное и одухотворенное Возмездие у Блока корреспондирует с шопенгауэровской «Волей» и с античной категорией судьбы (ср. выражение Блока «колесо, движущее /.../ историю» с античным «колесо Фортуны», «колесо истории»). Таким образом, проблеме судьбы отдельной человеческой личности Блок решает в духе античного и шопенгауэровски-буддийского фатализма как результат предопределенности, ведущей к неизбежному возмездию и гибели. Возмездие оказывается персонифицированной волей Бездны, движущей «колесо истории».

Второй смысловой ракурс «возмездия» связан с переадресацией его роду: «род, испытавший на себе возмездие истории, среды, эпохи, начинает, в свою очередь, творить возмездие» [Блок, Т. 2, с. 272]. На примере своего рода и собственной семьи Блок моделирует процесс осуществления возмездия: «так было и с моей семьей» [Блок, Т. 2, с. 285]. Поэт мифологизирует исто-

рию своего рода, представляя ее как взаимодействие и борьбу двух интенций – «семьи» и «демона».

Смысловое наполнение блоковской мифологемы «семья» четко обозначить весьма непросто.

Во-первых, «семья» для Блока – это «своя семья», «свой мир». В этом ограничении семьи близкими поэту людьми важное значение играет образ «гостеприимного старого дома» [Блок, Т. 2, с. 286]. Рассмотрим подробнее, какую смысловую нагрузку он несет.

Образ дома в «Возмездии» имеет реальную прописку – «ректорский дом» Санкт-Петербургского университета на Васильевском острове. Здесь А. Блок родился («Я и родился в «ректорском доме»» [Блок, Т. 5, с. 67]), именно этот дом в буквальном значении слова он и имел в виду. Здесь кипит интеллектуальная, художественная и чувственная жизнь – собираются лучшие студенты А. Н. Бекетова, подруги и поклонники сестер Бекетовых, здесь музицируют, декламируют, танцуют, дискутируют. Но, главное – круг избранных да удостоенных понимает друг друга, как кажется герою поэмы. «Ректорский дом» – уютный, привычный, понятный, прочный своим соборным началом, объединил самых близких людей – родственников по материнской линии, исполненных любви, понимания, доверия.

При этом «дом» в контексте мифологемы «семьи» имеет двой-

ственную пространственную привязку: Петербург и Шахматово.

Эта двойственность проистекает из символического расширения конкретной топографической координаты. Дело в том, что сюжет поэмы «Возмездия» географически привязан главным образом к Петербургу – локализации вершащихся на территории России Апокалипсиса и Армагеддона. Петербург, с уже сложившемся и складывающимся «петербургским текстом», со всеми его богатейшими коннотациями, стал в «Возмездии» апофеозом эсхатологии, средоточием интеллекта, культуры и концентрации действия. И хотя место действия – конкретный «ректорский дом» в Петербурге, однако работает над поэмой (1910-1921 гг.) Блок главным образом в Шахматово (Клинский уезд Московской губернии) – «угол рая» А. Н. Бекетова. С Шахматовым связаны сильнейшие эмоциональные переживания и потрясения: детство, первые театральные пробы (Гамлет в любительском спектакле), поэтические и чувственно-мистические озарения («Стихи о Прекрасной Даме», «Нечаянная Радость», циклы «Родина», «На поле Куликовом»; «соловьевство»; знакомство и брак с Л. Д. Менделеевой (венчался 17.08.1903 г. в церкви Михаила Архангела села Высокое, погоста Никольское, близ Шахматова и Боблово)). Шахматово становится миром чувственной, в том числе, эротической и созерцательной природной

мистики, сопричастной вечноженственному началу Прекрасной Дамы и России, миром творчества, душевной гармонии. Неудивительно, что эмоционально именно с Шахматовым в сознании и творчестве Блока соотносятся мифологемы «дома» и «семьи». Когда в 1921 г. шахматовский дом сгорел, Блок воспринял это событие как точку в конце «старого мира», старой культуры, прежней России.

В этом синтезе душевности «блоковской Итаки» – Шахматова и духовности Петербурга, противостоящем и одновременно объятom апокалипсической Россией, первой онтологической «прорехой» в разверзающейся вселенной, и проявляется «семья» как «свой мир». Многие другие значения мифологемы вытекают из данного качества.

Во-вторых, семья для Блока – *русская «дворянская семья»* [Блок, Т. 2, с. 285], то есть, с одной стороны, семья, *типичная* для русской дворянской культуры XIX века, с другой – составная часть большой «дворянской семьи», дворянства в целом, поскольку «дворяне все родня друг другу» [Блок, Т. 2, с. 285].

В-третьих – «*старый* (культурный) *мир*», в котором еще живы дворянские («а в глубине души все та ж «княгиня Марья Алексевна») и позитивистские («дух естественных наук /.../ здесь был религии подобен») [Блок, Т. 2, с. 286]) ценности прошлого.

В-четвертых, «семья» у Блока является *символом аполлонического*

начала: семья – «нежданный, как цветок над бездной, очаг семейный и уют» [Блок, Т. 2, с. 287]; она, подобно «старинной ладье», противостоит давлению внешних стихийных сил. Точнее – дарит иллюзию спасения от стихии, иллюзию прочности бытия. Такое предназначение семьи Блок подчеркивал и раньше (в 1906 г. в статье «Безвременье»), рефлексирuя по поводу чувства «домашнего очага» [Блок, Т. 4, с. 21], ощущения непоколебимости, законности «нравов добрых и светлых», характерное как для семьи, так и для культуры в целом [Блок, Т. 4, с. 21]. Это качество семьи психологически корреспондирует с шахматовским эмоциональным фоном. Тем не менее Блок настаивает на иллюзорности этого чувства, поскольку оно «смаживает на сильную лекарственную дозу» [Блок, Т. 4, с. 21]. Семья и аполлонизм в сознании Блока сближаются именно как формы «бегства от хаоса» (выражение Л. Шестова).

В-пятых, «семья» есть *символ России* [Блок, Т. 2, с. 290].

В-шестых – хранительница вечноженственного мистического начала [Блок, Т. 2, с. 283].

Даже этот, безусловно, неполный перечень смыслов, заложенных Блоком в мифологему «семья», внушителен.

Хотя семантические нюансы мифологемы Блок и закрепляет за всеми членами семьи, *каждый* из них *наделен* в семье *особой функцией*. Глава семьи – «ректор уни-

верситета /.../ ботаник /.../ Бекетов» [Блок, Т. 2, с. 291] позиционирован как типичный человек сороковых годов, идеальный гражданин и просветитель, который и «поныне, / В числе людей передовых, / Хранит гражданские святыни, /.../ стоит на страже просвещения» [Блок, Т. 2, с. 287]. Блок здесь почти буквально воспроизводит характеристику деда, которую он дал в «Автобиографии»: «Дед мой, Андрей Николаевич Бекетов, ботаник, был ректором Петербургского университета в его лучшие годы. Вероятно, эта черта, обозначенная по-этом дважды, – *причастность просвещению и гражданскому служению* является для Блока определяющей в облике «главы семьи». По поводу хозяйки дома, Елизаветы Григорьевны, в «Возмездии» не сказано ничего существенного, в «Автобиографии» Блок характеризует ее в профессиональном плане – как хорошего компилятора и переводчицу научных и художественных произведений, а затем уже как человека со своеобразным мировоззрением [Блок, Т. 5, с. 69]. Блоку важно подчеркнуть *образованность, научную и культурную состоятельность* бабушки: «она была очень начитана и владела несколькими языками» [Блок, Т. 5, с. 69]. Таким образом, Блок подчеркивает *гражданственность, просвещенность и культурность* как характерные личностные черты старшего поколения. Эти черты не являются достоянием только

«старших», в совокупности они являются культурной матрицей, задающей парадигму семьи и обозначенную Блоком в формуле «семья моей матери причастна к литературе и к науке» [Блок, Т. 5, с. 67]. Однако – «жизнь старших близится к закату», их духовный и жизненный опыт – опыт «старого мира», «старой культуры», не адекватный жизни, в которую – «ветром новое врывается» [Блок, Т. 2, с. 286]. В «автобиографии» Блок специально указывает, что бабушка скончалась «ровно через три месяца после деда» [Блок, Т. 5, с. 71]. Вероятно временная близость ухода «старших» – деда и бабушки, старшего поколения семьи воспринималась Блоком как симптом, знак конца всего «старого мира».

Следующее поколение семьи – «три дочки», воспитанные соответственно укладу «дворянской семьи», несколько отличаются от поколения старших. Их интересы по-прежнему связаны с «литературой и наукой», но мировосприятие отличается сочетанием традиционных представлений с новыми веяниями, «каким-то новым двоеверием» [Блок, Т. 2, с. 286]. Старшая сестра, «чинная и стыдливая», хотя и не без порывов к новому (интересуется народничеством), все же представляет собой вполне традиционный тип *чувственной и чувствительной женщины-жены*, ей «по нутру /.../ томно забываться, склонясь у мужнина плеча» [Блок, Т. 2, с. 289]. Средняя сестра

(М. А. Бекетова, представленная в «Возмездии» средней сестрой, в действительности была младшей.) – тип *женщины-ученого*, с пытливым умом, которая «не ленилась учиться» и учить других. Обе сестры остались где-то на границе между старым и новым миром, они – нечто промежуточное между старым и новым человеком, копия опыта старшего поколения. Они обычные люди, не представляющие для Блока интереса: «Они – «не моего романа»: / Им все учиться да болтать, / Да услаждать себя мечтами, / Но им навеки не понять / Тех, с обреченными глазами: другая стать, другая кровь» [Блок, Т. 2, с. 290].

Таким образом, мифосознание Блока в отдельных членах семьи персонифицирует различные функции (гражданственность, просвещение, либерализм, наука (глава семьи), литературность и образованность (хозяйка дома), традиционная женственность (старшая сестра), ум, тяга к знаниям (средняя сестра)), объединенные по принципу «причастности к литературе и к науке», то есть – культурной деятельности. В результате «семья» предстает культурным универсумом, чья жизнеспособность поддерживается соборным единением, собирающим качественно идентичные, однородные «звенья» (членов семьи) в цельную и монолитную «цепь» (род). Прочность существования этого соборного культурного универсума – «дружной семьи»

[Блок, Т. 2, с. 290], «рода», поддерживается опорой на предельно рационализированные аполлонические ценности (наука, искусство).

В дворянской «дружной семье», описанной в поэме, было и слабое звено – младшая дочь, женщина-ребенок, страстная, живая, цельная натура [Блок, Т. 2, с. 287]. Так мифологизировал А. Блок в поэме свою мать, А. А. Бекетову / Блок / Кублицкую-Пиотгух. В этом портрете есть один, крайне важный, штрих. Дело в том, что А. А. Бекетова была инфантильна, что особо подчеркивает в своих воспоминаниях М. А. Бекетова, но она не была младшей дочерью в семье. Это «омоложение» носит принципиальный характер, выражая качественную инаковость героини. В «Автобиографии» Блок указывал, что «только матери моей свойственны были постоянный мятеж и беспокойство о новом» [Блок, Т. 5, с. 72]. Мятежность, страстность, непосредственность и детскость природы «младшей дочери» свидетельствуют о ее причастности не только к аполлоническому, но и дионисийскому началу, основа ее духовного облика амбивалентна, она и «культурный» («дворянская девушка»), и «стихийный», природный человек. Сравнение с дочерью матери-России [Блок, Т. 2, с. 290]; «нежная» женственность, жертвенность, материнство как спонтанное творчество («и на руках лежит ребенок» [Блок, Т. 2, с. 299]) сближают ее образ с мифологемой *Вечной*

Женственности. Значимым качеством «младшей» дочери является *мистическая чуткость* («как бы даль найдя за далью, глядит внимательно, в упор» [Блок, Т. 2, с. 283]). Мать поэта – не героиня поэмы, а реальная женщина, А. Кублицкая-Пиотух, по воспоминаниям М. Бекетовой, «не раз говорила, что мир нереальный гораздо достовернее реального» [Бекетова, 1990, с. 135]. Мистицизм матери Блока отмечали многие современники (М. Бекетова, В. Ходасевич, К. Чуковский, Л. Блок). Е. Иванов обозначил мистический характер увлечений матери поэта: «Александра Андреевна – мистик духовный (и лицо у нее мистической сектантки), она все постигает не рассудком душевным, а в духе. Без духа ей беда» [Блоковский сборник 1 ... , 1964, с. 372]. Присущий или приписываемый матери поэта в жизни мистицизм передается ее образу в поэме и именно он обеспечивает мифологеме «семья» смысл хранительницы вечноженственного мистического начала и символа России. Именно «младшая дочь» становится объектом первого вмешательства стихийных сил Возмездия – «первого отбора». Напомним, что для А. Блока «характерно понимание стихии преимущественно как энергии, чья активность обычно проявляется в разрушении» и чье внедрение в мир осуществляется посредством воплощенных посредников [Летина, 2016, с. 161].

Отправной точкой проявления «возмездия» является приход «в дружную семью» Бекетовых отца поэта Александра Львовича Блока – «странного незнакомца». А. Блок плохо знал отца: «я встречался с ним мало, но помню его кровно» [Блок, Т. 5, с. 72]. Личность отца воспринималась поэтом творчески, была, в сознании Блока, «исполнена сложных противоречий, довольно необычна и мрачна. /.../ было что-то судорожное и страшное /.../ во всем душевном и физическом облике его» [Блок, Т. 5, с. 72]. В поэме его духовная сущность представлена посредством актуализации мифологемы «демона», демонической личности: «и вот – предвестием входит в семью – «демон» [Блок, Т. 2, с. 367]. Мифологема «демона» в произведении составляет оппозиционную пару мифологеме «семья» и имеет достаточно сложное смысловое наполнение. Попробуем, следуя логике Блока, его восстановить.

Во-первых, «демон» есть «первая ласточка «индивидуализма», то есть *персонификация индивидуализма*, принципа автономности личностного существования, противопоставленного соборному ладу «семьи». Во-вторых, «демон» – это «человек, похожий на Байрона» [Блок, Т. 2, с. 273]. Эта характеристика уточняет культурную генеалогию и типологию персонажа: он «неоромантическая личность», или, перефразируя Блока, человек, *похожий на романтическую личность*. Блок специфически исполь-

зует сравнение с Байроном, который на рубеже веков представлялся образцовым романтиком, персонаж же Блока «на Байрона /.../ походил, как брат болезненный на брата» [Блок, Т. 2, с. 292]. Романтика Байрона и неоромантика-демона сближали надменность, красота и тайная страстность, а отличало отсутствие у «демона» *воли*, притупленной «болезнью века, начинающимся *fin de siècle*» [Блок, Т. 2, с. 273]. Демон в «Возмездии» А. Блока также иронически оцененный скачущий *декадент*, «с душой, начавшей уставать» [Блок, Т. 2, с. 297]. При этом волевое начало в образе «демона», на наш взгляд, все же есть. Правда, это *воля* не есть качество самого «демона», она имеет своим истоком внешнее основание – Бездну, которая роковым образом делает героя своим орудием, орудием Возмездия.

Неоромантическая интерпретация демона дополняется скрытыми и явными цитатами из романтического и символистского контекста. В облике блоковского «демона» есть черты, сближающие его с Демоном Лермонтова и Демоном Врубеля, которых Блок считал «символами наших времен» [Блок, Т. 4, с. 155]. Это подчеркнутая *маскулинность* «демона». Это также *амбивалентность* его духовного облика: он, как и лермонтовский и врубелевский герои, «ни день, ни ночь, ни мрак, ни свет». «Демон» Блока не является персонификацией абсолютного зла, тьмы, как его

христианский прообраз – дьявол или его слуга, но он и не «светел» по своей природе, он – синтетичен, в его образе Блок вслед за Лермонтовым и Врубелем пытается примирить противоположные онтологические начала, демоническое (музыкальное, дионисийское) и ангельское: «за бурей музыкальной /.../ вдруг возникал /.../ какой-то образ – грустный, дальний, непостижимый никогда... и крылья белые в лазури, и неземная тишина» [Блок, Т. 2, с. 294-295]. Демону в поэме присущ и *эротизм*, характеризующийся в версии Блока «вампирственным» характером и садистским уклоном («демон» «будет пить живую кровь уже от ужаса – безумной, дрожащей жертвы» [Блок, Т. 2, с. 296]). Общим моментом является и *художнический иллюзионизм*, способность очаровать и обольстить иллюзией Тамару у Лермонтова, «младшую» дочь у Блока: «но чуждо, пусто, дико стало все, прежде милое, кругом – под этим странным обаяньем сулящих новое речей, под этим демонским мерцаньем сверлящих пламенем очей» [Блок, Т. 2, с. 295]. Демон Блока, как и Демон Лермонтова и Врубеля, *рефлексивен* – «отягчен сознанием». Но если рефлексия у Лермонтова и Врубеля есть постоянное, длящееся и экспрессивно окрашенное страданием состояние Демона, то рефлексия «демона» Блока перманентна, прерывиста и бесстрастна: «ум холодный, ум же-

стокий вступил в нежданные права» [Блок, Т. 2, с. 296].

Измельчавший, безвольный, надломленный неоромантический демон вторгается в семью. Эта бинарная оппозиция «демон» – «семья» может быть осмыслена и как более широкая дихотомия «индивидуализм – соборность», «дионисийское начало – аполлоническое начало», «мужское – женское», «стихия – культура», «возмездие – род».

По мысли Блока, в результате возмездия должен *родиться ребенок*: «в семью является демон, чтобы родить сына» [Блок, Т. 2, с. 296]. Формой возмездия оказывается *мистико-эротический синтез, священный брак* «демона» и «дворянской девушки», а также его *плод* – слияние разнородных начал, синтез индивидуализма и соборности, стихии и культуры. Блок актуализирует архетипические мотивы «священного брака» и особого «ребенка», восходящие к библейскому сюжету о Боговоплощении. Поэт требует: «пускай, наконец, герой воплотится» [Блок, Т. 2, с. 367] и непосредственно обращается библейскому образу Марии. Распределение ролей «демон» – «отец» – «дворянская девушка» (Блок подчеркнуто называет героиню то ребенком, то девушкой, акцентируя ее целомудрие, непорочность, девственность) с ребенком на руках – «мать» – «сын» зеркально отражает библейскую троичную модель: Бог-Отец – Мария – Бог-Сын (Иисус Христос). Однако смысловое наполнение

данного мифа у Блока полностью противоположно библейской версии: он описывает не благодатное Боговоплощение, не приход в мир Спасителя, но Возмездие – «демонновоплощение», рождение «сына Демона», «героя», по терминологии Блока, с точки зрения же христианского сознания – Антихриста.

Мифологема «сын» у Блока оказывается богатой смысловыми нюансами, в том числе такими, которые остались неосознанными самим Блоком. В интересующем нас аспекте соборности она связана с *примирением и слиянием в синтезе разнородных начал* – отцовского и материнского, дионисийского и аполлонического, стихии и культуры, мужества и женственности, рассудка и мистицизма. «Сын» в поэме фиксирует возможность *нового типа «личностной» соборности*, достижения полноты бытия посредством слияния в личности «сына» индивидуального (индивидуализм отца) и коллективного («старинное общественное миродержание» [Блок, Т. 2, с. 368] «семьи») начал, посредством рождения сверхличности. В поэме Блок не дает ответа о перспективах внедрения в мир новой антропомонической сущности сына («Что же дальше? Не знаю, и никогда не знал»), косвенным ответом может быть незавершенность «Возмездия». Ожидания теургического синтеза в «сыне», с которым самоидентифицируется Блок, обмануты, видения «будущего теургического

«нового мира»» [Летина, 2015] обманули. Поэт пытается найти выход в повторении сюжетного хода с «вторым отбором» и новым «младенцем», но замысел остается нереализованным. Символически, фатальную роль для теургического проекта мог сыграть провал теургического проекта собственного брака – смерть в младенческом возрасте сына Л. Блок, Дмитрия, по мнению З. Гиппиус, вместе с которым для А. Блока умерла надежда «прикоснуться к жизни» [Гиппиус, 1991, с. 22]. Демонический индивидуализм, который первоначально мыслился Блоком сосуществующим с соборным началом «семьи» в общей парадигме «рода», оказывается доминирующим. В результате, возмездие, которое род должен был принести миру, обрушилось на сам род, обернувшись репрезентацией мифа о родовом проклятии.

В «Возмездии» Блок эксплицирует свою идентичность с отцом и демонической, индивидуалистической парадигмой. При этом в жизни поэта ситуация развивается иначе. Отец просит Блока подписывать стихотворения «Ал. Блок» или «Александр Блок», чтобы не было совпадения с подписью «А. Блок», стоящей под научными публикациями А. Л. Блока. С отцом Блок «встречался мало», а с матерью он жил и ее считал самым близким человеком: «со многими схожусь в том или другом, с мамой во всем» [Блоковский сборник 1 ... , 1964, с. 22], такая саморефлексия указы-

вает на *отождествление* им своего духовного опыта с материнским. М. Бекетова, тетьа и биограф Блока, также отмечает поразительное сходство внутреннего мира Блока и его матери: «Александра Андреевна вложила в сына черты своей натуры. Мать и сын были во многом сходны. Повышенная впечатлительность, нежность, страстность, крайняя нервность, склонность к мистицизму и к философскому углублению жизненных явлений, – все это черты, присущие им обоим» [Бекетова, 1990, с. 62]. Необычная близость воспринималась современниками как чудо взаимного мистицизма: С. Алянский рассказывает, что ему довелось быть свидетелем мистического контакта между матерью и сыном, и он убедился, что, действительно, «Александра Андреевна и ее сын обладают способностью предвидеть какие-то события и на расстоянии чувствуют тревогу и волнение друг друга» [Алянский, 1969, с. 117]. Бекетова в цитированном выше высказывании, возможно, неосознанно формулирует и характерный принцип взаимоотношений Блока и Александры Андреевны – зависимость инфантильного сына от властной матери. Александра Андреевна, неоднократно лечившаяся в психиатрических клиниках, идентифицировала себя с сыном до полного смешения с ним, порываясь влиять на весь строй его жизни. Это вмешательство носило болезненный характер, *общий мистицизм* перерастал в

общую душевную патологию: «Ал. Андр. вообще имела свойство распространять вокруг себя тревожную атмосферу. /.../ По словам доктора Пекелиса, /.../ ее болезнь была такого же типа, как болезнь Ал. Ал.; он был поражен сходством того, что говорили ему сын и мать во время его докторских посещений» [Бекетова, 1990, с. 198-199]. Влияние импульсивной матери на сына было столь сильным и болезненным, что далекая от мистицизма Л. Блок трактовала его сугубо в психологических терминах: «мать, на границе психической болезни,

но близкая и любимая, тянула Блока в этот мрак» [Александр Блок ..., Т. 1., 1980, с. 138].

Таким образом, поиски соборности А. Блоком реализуются помимо прочего в актуализации мифологем «рода» и «семьи» как специфических форм мистического сектантства с перспективой теургического синтеза. Однако род и семья оказываются несостоятельны в решении как соборной, так и теургической задачи, формируя в сознании поэта драматические коллизии духовной и психической идентичности.

Библиографический список

1. Александр Блок в воспоминаниях современников. В 2-х тт. Москва : Художественная литература, 1980. Т. 1. 552 с. Т. 2. 527 с.
2. Алянский С. Встречи с Александром Блоком. Москва : Детская литература, 1969. 160 с.
3. Бекетова М. А. Воспоминания об Александре Блоке. Москва : Правда, 1990. 672 с.
4. Блок А. А. Собрание соч. : в 6-ти тт. Ленинград, 1980-1983. Т. 1. Ленинград : Художественная литература, 1980. 512 с.; Т. 2. Ленинград, 1980. 472 с.; Т. 3. Ленинград, 1981. 440 с.; Т. 4. Ленинград, 1982. 464 с.; Т. 5. Ленинград, 1982. 408 с.; Т. 6. Ленинград, 1983. 424 с.
5. Блоковский сборник 1. Труды Науч. конференции, посвященной изучению жизни и творчества А. А. Блока. Май 1962 / Под ред. Ю. М. Лотмана. Тарту : Тартуский гос. ун-т, 1964. 574 с.
6. Гиппиус З. Н. Мой лунный друг // Гиппиус З. Н. Живые лица. Стихи. Дневники. В 2-х тт. Тбилиси : Мерани, 1991. Т. 2. С. 7-36.
7. Летина Н. Н. Онтологические акценты рефлексии А. Блока // Верхневолжский филологический вестник. 2015. № 3. С. 144-150.
8. Летина Н. Н. Онтологические рефлексии А. Блока периода "Антитезы" и "Синтеза" // Верхневолжский филологический вестник. 2016. № 1. С. 160-165.
9. Чуковский К. И. Александр Блок как человек и поэт // Чуковский К. И. Соч. в 2-х тт. Москва : Правда, 1990. Т. 2. С. 390-497.
10. Эткинд, А. М. Хлыст. Секты, литература и революция / А. М. Эткинд. Москва : Новое литературное обозрение, 1998. 688 с.

Reference List

1. Aleksandr Blok v vospominanijah sovremennikov = Alexandr Block in memories of contemporaries. V 2-h tt. Moskva : Hudozhestvennaja literatura, 1980. T. 1. 552 s. T. 2. 527 s.
2. Aljanskij S. Vstrechi s Aleksandrom Blokom = Meetings with Alexandr Block. Moskva : Detskaja literatura, 1969. 160 s.
3. Beketova M. A. Vospominanija ob Aleksandre Bloke = Memories about Alexandr Block. Moskva : Pravda, 1990. 672 s.
4. Blok A. A. Sobranie soch. : v 6-ti tt. Leningrad, 1980-1983 T. 1 = Collection of works in 6 v. Leningrad, 1980-1983. V. 1. Leningrad : Hudozhestvennaja literatura, 1980. 512 s.; T. 2. Leningrad, 1980. 472 s.; T. 3. Leningrad, 1981. 440 s.; T. 4. Leningrad, 1982. 464 s.; T. 5. Leningrad, 1982. 408 s.; T. 6. Leningrad, 1983 – 424 s.
5. Blokovskij sbornik 1. Trudy Nauch. konferencii, posvjashhennoj izucheniju zhizni i tvorcestva A. A. Bloka = Collection of Block's works 1. Works of scientific conference devoted to the life and work of A. Block. Maj 1962 / Pod red. Ju. M. Lotmana. Tartu : Tartuskij gos. un-t, 1964. 574 s.
6. Gippius Z. N. Moj lunnyj drug = My moon friend // Gippius Z. N. Zhivye lica. Stihi. Dnevnik. V 2-h tt. Tbilisi : Merani, 1991. T. 2. S. 736.
7. Letina N. N. Ontologicheskie akcenty refleksii A. Bloka = Ontological accents of A. Block's reflection // Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik. 2015. № 3. S. 144-150.
8. Letina N. N. Ontologicheskie refleksii A. Bloka perioda "Antitezy" i "Sinteza" = Ontological reflections of A. Block in "Antithesis" and "Synthesis" // Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik. 2016. № 1. S. 160-165.
9. Chukovskij K. I. Aleksandr Blok kak chelovek i pojet = Alexandr Block as a man and a poet // Chukovskij K. I. Soch. v 2-h tt. Moskva : Pravda, 1990. T. 2. S. 390-497.
10. Jetkind, A. M Hlyst. Sekty, literatura i revoljucija = Whip. Sects, literature and revolution / A. M. Jetkind. Moskva : Novoe literaturnoe obozrenie, 1998. 688 s.